

**«ДЕТСКОЕ ПИСЬМО»
В СБОРНИКЕ Н.ЗАБОЛОЦКОГО «СТОЛБЦЫ»**

Творческий путь Николая Заболоцкого своеобразен. В 20-е годы он начинает как поэт-экспериментатор, участник группы ОБЭРИУ, пропагандирующей поэтику абсурда и алогизма, а в последний период творчества является автором ясной и прозрачной философской лирики, отличающейся классически завершенной формой стиха.

Именно к первому периоду творчества относятся произведения, в которых поэт, нащупывая собственные поэтические интонации и свой путь в литературе, обратился к выразительным возможностям поэтики, ориентированной на воспроизведение особенностей детского мировосприятия.

Сравнение стихотворений периода «Столбцов» с образцами «наивного» искусства и детского творчества традиционно для исследователей Н.Заболоцкого. Поэт и сам неоднократно отмечал эту связь. Итальянский перевод его стихов вышел в переплете, на котором воспроизведен холст Пирсменишвили. Заболоцкий любил знаменитого французского примитивиста Анри Руссо. Самодельное издание «Столбцов» украшено копией его картины (на фронтисписе). Поэт оставил проект переиздания «Столбцов» в обложке репродукций с картин Руссо. «Похоже, что он взглянул на Руссо просто, без приписывания ему сложной философии» [2, с. 193]. Современники вспоминают, что Заболоцкий не протестовал, когда его стихи сравнивали со стихами капитана Лебядкина, подтверждая: «Я тоже думал об этом. Но то, что я пишу, не пародия, это мое зрение.» [3, с. 199].

Поэтика «Столбцов» была по достоинству оценена М.Зощенко, которого критики обвиняли в «кажущейся инфантильности»

стиля. Он писал о Заболоцком: «За словесным наивным рисунком у него почти всегда проглядывает мужественный и четкий штрих. И эта наивность остается как прием, допустимый и уместный в искусстве...Он (принцип инфантильности) помогает создать двойной план вещи, благодаря чему произведение становится понятным даже самому неискушенному читателю» [3, с. 381-383].

Демократизм поэтики молодого Заболоцкого не в последнюю очередь был обусловлен и увлеченностью Рабле. Именно тогда Заболоцкий задумал сделать переложение романа «Гаргантюа и Пантагрюэль» для детей. Поиски адекватных форм для передачи простонародной грубоватости Рабле языком доступным детям не могли не отразиться на общих принципах поэтики Заболоцкого.

В 1931 году вышел сборник «Мнимая поэзия», составленный из пародийной поэзии 18 – 19 веков. Современники считают, что мнимая поэзия заняла в творчестве Заболоцкого свое место. При этом упоминаются, например, «Записки аптекаря», написанные от имени неторопливо-рассудительного, гордого своими познаниями идиотически-серьезного человека [6, с. 189]. К этому можно добавить, что мнимая поэзия, основанная на «домашней» семантике, была в почете у обэриутов. «Мнимая поэзия» лежала рядом с детской. Их сближала разговорная интонация, подчеркнутая прозаизация и наивность.

Наибольшую известность обэриуты получили как авторы необыкновенных произведений для детей. «Детское зрение», первый дологический взгляд на мир несомненно присутствует в раннем творчестве Заболоцкого.

Во время написания «Столбцов» Заболоцкий активно участвовал в группе ОБЭРИУ. Заболоцкому принадлежат две первые части декларации обэриутов. Но поэт познакомился с обэриутами уже после создания «Белой ночи» и, следовательно, к поэтике «Столбцов» пришел совершенно независимо и до оформления ОБЭРИУ как литературной группы. Несмотря на это, нельзя отрицать возможные влияния на него со стороны других обэриутов.

Заболоцкий с самого начала стоял несколько особняком от остальных обэриутов. Ему были чужды их методы пропаганды своего искусства, клоунада и эпатаж публики. Кроме того, как свидетельствуют люди, близко знавшие обэриутов, раздра-

жение Хармса, выразившееся даже в специальной декларации «Ушла Коля!», где содержался упрек Заболоцкому, поправшему с обэриутами, объяснялось тем, что он оказался признанным поэтом. Он стал пользоваться несомненным успехом, а остальные обэриуты почувствовали себя изолированными. Это проявлялось не только в том, что стихи Заболоцкого печатали, но и в явных симпатиях критиков при обсуждениях. Так, Эйхенбаум, выступая на диспуте современной поэзии, говорил о стихах Заболоцкого как о новом многообещающем явлении в русской поэзии, тогда как произведения других обэриутов не получали сочувственной критики.

Многие мемуаристы засвидетельствовали несколько устойчивых господствующих приверженностей поэта. Они отмечают постоянно внимание к русскому фольклору в разнообразных его жанрах, от былин до лубочных комедий, ко всей народной карнавальной традиции, проявившейся в «Столбцах». Как и у многих молодых поэтов, авангардистски ориентированных, первые его шаги в литературе были отмечены бунтом против устоявшихся, отживших норм. «Антиэстетизм вовсе не был индивидуальной или групповой чертой воззрений Заболоцкого, Олейникова, обэриутов. Все мы, воспитанные поэзией 20-х годов, терпеть не могли всяческое эстетство, «красивость», стилизаторство, все это были бранные слова» [3, с. 138]. «Обдуманная наивность» (выражение Л.Гинзбург) Заболоцкого позволяет ему столкнуть ценности и антиценности, выразив тем самым обэриутскую антисимволичность «голым словом», словом без определения.

Заболоцкий старается восстановить остроту и точность живого моментального ощущения. Дезавтоматизация восприятия, стремящаяся как к идеалу, к детской непосредственности, в каком-то отношении должна преодолеть и устойчивые формы культуры — «мир испорченный сознанием отцов». Примечательно, что именно сознание, а не деяния отцов является для Заболоцкого причиной испорченности мира.

Детский взгляд предполагает совершенно иную иерархию ценностей. Дети изображают предметы, не зная основных законов логического мышления и условий, определяющих отношение человека к вещам. Для них характерно ощущение автономности каждого предмета, классификация объектов, не совпадающая с традиционной, общепринятой. Детский язык сво-

боден от практического отношения к слову, дети любят слова, не понимая их значений.

По Хейзинги, поэтический язык есть язык игры. Для того, чтобы понять поэзию, нужно обрести детскую душу и мудрость ребенка поставить выше интеллекта взрослого. Сфере игры подчинены все способы поэтического формообразования: метрическое и ритмическое подразделение речи, точное использование рифмы, маскировка смысла, искусное построение фразы. И то, что поэтическая речь делает с образами, есть игра. Она располагает их в определенном порядке, и каждый образ, играя, отвечает на какую-нибудь загадку. В поэтике «Столбцов» реализуется сочетание осознанно-игрового и идущего из глубин подсознания, детского отношения к миру и языку.

Причины, объясняющие ориентированность писателей на «детское письмо», лежат в значительной степени в области психологии. Бессознательная память о младенческом лепете хранится в подсознании человека. Она в той или иной степени воздействует на сознание каждого человека. Степень использования писателем «детского письма», вероятно, зависит, от его открытости определенным структурам подсознания.

Жолковский доказывает, что последовательная стилистическая установка на сплав «детских, неправильных» элементов с «взрослыми, правильными» является отзвуком нарцистического комплекса, который психоаналитически истолковывается как поиск оборотной, подсознательной стороны своего «я» [5, с. 225-244].

Мир, в который вводит Заболоцкий, по-детски не иерархизован. Однородность перечисления неоднородного – характерная черта «Столбцов». Как рядоположенные даются часть и целое, люди и вещи:

Здесь бабы толсты, словно кадки,
Их шаль невиданной красы,
И огурцы как великаны,
Прилежно плавают в воде.
(На рынке).

Зрительное впечатление передается несогласованным единственным, что выходит за пределы общелитературных правил.

Ракеты, выстроившись кругом,
Вставали в очередь.

Потом

Они летели друг
за другом,

Вертя бенгальским животом.

(Белая ночь)

Предметы и действия получают определенные имена и формы обозначения только в устойчивом мире культуры с правилами узнавания. Если узнавающий еще не включен в культуру (подобно ребенку), то и описание явлений становится необычным – остранным с точки зрения читателя.

Герои входят, покупают

Билетов хрупкие дощечки. (Ивановы)

Отсутствие правил узнавания и отождествления предметов требует и соответствующей синтаксической формы, построенной на нарушающей норму видимой неумелости: «стреляя в небо пистолетом», «сообщает мне свои переживанья», «когда любовью не ослеп».

Заболоцкий использует разговорные и просторечные модели, также их трансформации, стилизованные под детскую манеру выражать свои мысли, невладение нормами языка. При этом сталкиваются элементы наиболее далеких стилистических, культурных, смысловых слоев. Соседствует высокое и грубое: «с музыкой томной – не смыслят ни черта», «волшебные сирены – дуньками одеты». Рядом с конкретно-бытовым – духовное: «коты сидят как будды». Включается церковная лексика: «чайников архимандрит» (о самоваре), «помыслов архитриклин» (о балыке) «бокалов бешенный конклав». Сочетается абстрактное и конкретное: «летает хохот попугаем», «прямые, лысые мужья сидят/как выстрел из ружья».

Поэт выводит себя за рамки того мира, который изображает. Инвариантом содержания многих стихотворении Заболоцкого является ситуация попадания в странный, новый неизвестный, чуждый мир, столкновение разных миров и сознаний. Он смотрит на мир через чужое сознание, лишённое стереотипов. Это взгляд ребенка, способного увидеть мир «голыми глазами».

Литература:

1. *Альфонсов В.Н.* Слова и краски. – М.-Л.: Сов. писатель, 1966. – 193 с.

2. *Автокольский П.* «Сколько зим и лет» // Воспоминания о Н. Заболоцком. – М.: Сов. писатель, 1984. – С. 198-213.
3. *Гинзбург Л.Я.* Литература в поисках реальности. – Л.: Сов. писатель, 1987. – 397 с.
4. *Зощенко М.* 1935 – 1937. – Л.: Прибой, 1937.
5. *Жолковский А.К.* Блуждающие сны и другие работы. – М.: Наука, 1994. – 428 с.
6. *Каверин В.* Счастье таланта // Воспоминания о Н. Заболоцком. – М.: Сов. писатель, 1984. – С. 179-192.